
Владимир Гришкин
Абстрактные
Сказки

Гришкин Владимир

Абстрактные сказки

https://litres.ru/74747097
SelfPub; 2026

Аннотация

Это коротенькие миниатюры, появляющиеся из разрозненных мыслей в тот момент, когда фантазия окончательно иссякла.

Содержание

Регулярная геометрия 4
Текучая бесформенность 5
Капля айсберг топит 6
Дроблёнка из жидкого мыла 7
Какофония в заикающемся ритме 8
Кольцо прямоугольных запахов 10
Sic transit gloria mundi 11
Край непуганых трилобитов 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Гришкин Владимир
Абстрактные сказки

Регулярная геометрия

Додекаэдр катился по обочине дороги. Его грани оставляли в пыли отпечатки пентаграмм в виде правильных выпуклых пятиугольников. В каждом из пятиугольников застыл остолбеневший от удивления Мефистофель, проклинавший недоучку, который не озаботился перед вызовом патрона обеспечить дьявола привычной просторной пентаграммой-звездой. Теперь, из-за недостатка места, Мефистофель стоял, вытянувшись во фрунт, и не мог даже копытом шевельнуть. Цепочка вытянувшихся в струнку дьяволов терялась за горизонтом.

Так был изобретён и запатентован новый метод изготовления километровых столбов.

Текучая бесформенность

Текучесть из обычного перешла в сверхтекучее состояние и коровьей лепёшкой шлёпнулась на цветущий луг. Проклятье, – ругнулась она, цепляясь за коровий хвост, – опять кто-то пытается ограничить свободу моего самовыражения презренными правильными формами! Чтоб ему век кипеть в адском котле! Век не век, но какое-то время кастрюля действительно булькотила на плите, прежде чем отправиться в холодильник.

Получившийся холодец счастливо избежал болезненного контакта с вилкой и теперь оплывал на тарелке, превращаясь в колышущуюся бесформенную массу и предвкушая встречу с ложкой.

Капля айсберг топит

Капля растекалась, становясь всё больше и больше. Пульсирующие края капли уже достигли берегов Гренландии и дробили её материковый лёд на айсберги. Косяки айсбергов, измученных тысячелетним заточением в сухопутных ледниках, с радостным плеском рвались к пальмам, маячившим за горизонтом, чтобы там, на пляжах с белоснежным песком, позабыть про свои ревматизмы, радикулиты, перитониты и несварение желудка, часто случавшегося у них от употребления протухшего - *pardon!* ферментированного - акульего мяса. Айсберги выбирали места, где было *всё включено*. Они просто таяли от одного звука этого не вполне представимого *всё*. Таяли от умиления и от злоупотребления солнечными ваннами.

В родную Гренландию не вернулся ни один.

Дроблёнка из жидкого мыла

В те далёкие времена, когда технологии ещё не вырвались из глухих закоулков разума на свет божий, который тут же стал превращаться в мрак кромешный, троглодиты не удосужились изобрести пластиковую тару, поэтому хранить жидкое мыло им было не в чем, и его у них не было. Страдания несчастных были так велики, что дело доходило до людоедства. Впрочем, людей тогда тоже не было, и бедные троглодиты вымерли от голода.

А ведь если бы они догадались высушить жидкое мыло, раздробить его на мелкие фракции и носить с собою в скорлупе от кокосовых орехов, могли бы здравствовать и поныне.

Какофония в заикающемся ритме

Сладкозвучный грохот мешка с пустыми консервными банками по булыжной мостовой заполнил всю консерваторию.

– Вы! Там! Устаканьтесь! – свинцовой тяжестью громыхнули ряды деревянных басовых труб.

На миг всё стихло, и в наступившей тишине стали отчётливо слышны звон чокающихся стаканов и тяжёлая медвежья поступь. Медведь бродил по залу между кресел и собирал отдавленные уши. Сам он был начисто лишён музыкального слуха , но не жаловался, а методично наступал на уши собратьям по несчастью.

– Работа такая, – говорил он, – Ик! работа как работа, надо только рабочее место (Ик!) в чистоте содержать!

Зубодробильная барабанная дробь отбойного молотка за окном слилась в любовном экстазе с хором консервных банок. Стаккато Синкопович, только что судорожно метавшийся между кресел, теперь вальяжно развалился прямо на сцене и пытался одновременно напевать мелодию Полёта Шмеля и насвистывать Полёт Кондора. Перед ним прямо из воздуха материализовалась Гармония, соправительница Фив и супруга Кадма, которая к этому времени уже пару тысячелетий провела в облике змеи, и поэтому сразу попыталась выяснить, что здесь да как. Не получив ответа ни на один

из своих вопросов, заданных на древнегреческом, она старалась теперь вновь обратиться если не в змею, то хотя бы в сколопендру.

В современном мире, полном гуманности, при отсутствии амфор и при наличии консервных банок, ничего у неё не получалось.

Кольцо прямоугольных запахов

Прорыв за окоём реальности вновь с треском провалился. Мешковина, которой были затянуты прорехи в полу, оставшиеся после предыдущих попыток, лопнула, и всё, что оказалось поблизости, провалилось в параллельную реальность. Часть запахов утратила свою прямоугольность, деформировалась в сторону округлости и стала явственно разить шанелью номер пять. Призванные на помощь из недр высшей алгебры радикальные идеалы замкнулись внутри своих колец и заявили, что жизнь вне теории чисел всего лишь иллюзия. Запахи постарались достроить свою бывшую прямоугольность до трехмерности, создать кольцо из прямоугольных блоков и заманить туда идеалы. Из-за недостаточной эластичности межблочных соединений удалось создать только линейные структуры, правда, с неповторимым восточным ароматом.

Так появилась Великая Китайская Стена.

Sic transit gloria mundi

Глория сидела на выжженной безжалостным солнцем земле посреди бескрайней, плоской как стол казахстанской степи. Ожидание затягивалось. Ветер уносил вдаль грохот турбин маршевого двигателя и обрывки парашюта спускаемого модуля. Глория рассматривала свою фамилию, которая лежала перед ней на песке. Это было всё, что осталось от безумного романа с Мундиалем на борту транзитного космоплана. Мунди. Чёрт её дёрнул так его называть, да ещё оставить это на память. Как теперь жить с такой-то неблагозвучной фамилией? Глории захотелось лечь под царственную сикомору и не просыпаться, но ничего похожего вокруг не было, только сквозь знойное марево доносился мерный стук копыт плывущих по океану лошадей, да с неба, со стороны солнца, в нимбе из вертолетных винтов на неё понимающе глядел Сикорский.

Sic-так, sic-так мерно отсчитывало её сердце томительное время ожидания. Глория вздохнула, достала смартфон и запустила Тик Ток. Земная слава, как дым, смешалась со знойным маревом и больше её не беспокоила.

Край непуганых трилобитов

Трилобит не замечал ничего вокруг. Поток битов завораживал. Биты с тонким писком вгрызались в хитиновый слой, забирались под панцирь и превращались в протобиты. Они несли с собой Весть. Весть из далёкого Будущего. Трилобит с упоением вчитывался в восхитительные слова, которыми ещё не родившиеся мудрецы описали его сородичей:

Самыми древними трилобитами могут быть виды рода *Eofallotaspis*, впервые появляющиеся в марокканской формации Игудин, в низах иссендалейского яруса в региональной шкале.

Трилобит не понимал ни слова, да это и неважно! Зато какой слог! Какая экспрессия! Какая широта мысли у писавшего это!

Протобитам быстро прискучил унылый пейзаж Кембрия, и они с легким шипением стали кучковаться в протобайты. Трилобит очнулся и забеспокоился. Он сразу почувствовал Опасность.

– Так и до Искусственного Интеллекта недалеко! – с тревогой подумал он. И в качестве превентивной меры решил замутить массовое вымирание. Получилось не очень быстро, зато качественно. Пермско-триасовое вымирание было одним из самых катастрофических.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.